

Ольга Владимировна
Покровская
Ключ от дома

Повесть

Ольга Владимировна Покровская

Ключ от дома. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056668

ISBN 9785448586477

Аннотация

Погибший на войне герой через много лет возвращается домой, чтобы помочь семье и навести порядок в жизни своих бестолковых потомков.

Ключ от дома

Повесть

**Ольга Владимировна
Покровская**

© Ольга Владимировна Покровская, 2017

ISBN 978-5-4485-8647-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Татьяна Дмитриевна проснулась от стука в калитку и нетерпеливого звяканья щеколды. Испуганно приоткрыла к окну, за которым бледнела низкая облачность, – одинокой, ей постоянно мерещилось, что в дом лезут налетчики и грабители, – но, разглядев сквозь голые ветки розовую курточку, поняла, что дочь азартно дергает затворы. Спокойствия это обстоятельство Татьяне Дмитриевне не прибавило, потому что Саша должна была в это время находиться в Москве: либо на работе, либо в съемной комнате, на пару с соседкой. А оказаться ранним утром, когда не ходили электрички, дома – для этого требовались серьезные причины, и Татьяна Дмитриевна подозревала, что они не радостные. Поэтому она, накинув тужурку на ночную рубашку, побежала

к калитке в тапочках и, вместо приветов и улыбок, встретила дочь тревожным вопросом:

– Ты чего? Уволили?

Лихорадочное Сашино выражение и остановившиеся водяные глаза ей не понравились.

– Мне в вечернюю, я на машине... Мам, я есть хочу!

Саша увернулась от расспросов и побежала в дом. Татьяна Дмитриевна шла за ней по пятам и бормотала:

– С ума сошла! Среди ночи!..

– Успокойся, мам, – не на чужой, Милкин дядя бочки вез в огород, я с ним.

Татьяна Дмитриевна повесила Сашину куртку на вешалку и усадила дочь за стол, продолжая недоуменно бормотать:

– Кто такой Милкин дядя?.. Может, хуже чужого...

Саша не отвечала на материнские нотации, а смеялась, и это тревожило Татьяну Дмитриевну. Она скорой рукой смешала тесто в эмалированной миске, поставила перед дочерью горячие оладьи и спросила в упор:

– Рассказывай. Что стряслось?

Саша размазала растекшуюся сгущенку, собралась с духом и выпалила:

– С Женей встречалась. Вчера...

Татьяна Дмитриевна взялась за сердце.

– Ох... – только и выговорила она.

Женя был горячеей и единственной Сашинной любовью. Им она жила, за ним в свое время подалась в Москву, не смуща-

ьясь ни его абсолютным равнодушием, ни наличием любимой жены и сына.

– Мама! – взмолилась Саша. – Порадуйся за меня! Я же к тебе, я же сразу...

Татьяна Дмитриевна нахмурилась, внимательно изучила Сашино лицо и вынесла вердикт:

– Ты не ко мне приехала. Идиоткой-то меня не считай.

Она поджала губы. Личная жизнь дочери казалась Татьяне Дмитриевне неправильной, но на этом огорчения не заканчивались – она была уверена, что Саша приехала не домой, не к матери, а к призраку брата-близнеца, который терзал ее с детства странной привязанностью. Эту стыдную тайну семьи Татьяна Дмитриевна, как могла, скрывала от окружающих и от этого мало общалась с подругами, забросив старые знакомства. Если в детстве чудачества дочери еще могли сойти за милую возрастную шалость, то теперь Саша была взрослая, и всерьез объяснить людям, что она разговаривает с покойным братом, было неловко. Покачав головой, она вышла из кухни и принялась собираться – скоро надо было на работу. Когда Саша допивала чай, она вернулась одетая и готовая.

– Ешь, и пойдем, – сказала она решительно. – Как раз на электричку успеешь.

Саша растерялась.

– Мам, я... Может, я отдохну?..

– Одну не оставлю, – возразила Татьяна Дмитриевна. –

А мне на станцию пора. – Она вспомнила: – Семена привезла? Которые Лена обещала?

Саша покраснела.

– Мам, забыла.

– Я же говорю, – вздохнула Татьяна Дмитриевна. – Ты обо мне не думала.

Она отвернулась от слез, выступивших на Сашиних глазах. Дочь взяла тетрадный лист со списком, куда Татьяна Дмитриевна заносила текущие дела и необходимые покупки, и произнесла с упреком:

– Мам, может, ты меня в свой список добавишь?

– Добавлю, – пообещала Татьяна Дмитриевна. – Когда дурь из головы выбросишь.

Она вывела дочь на улицу и заперла калитку. Саша дрожала от обиды, но не возражала. На углу им встретилась соседка баба Аня, которая сообщила:

– Татьян, участковый чего-то заходил вчера. Искал тебя.

Оставшийся путь Татьяна Дмитриевна шла рядом с Сашей, но уже не думала о дочери, а гадала, зачем приходил участковый. Опять что-то с сыном Лешей? Еще она вечно боялась, что отберут дом. Примут закон – и отберут. Сначала они двигались по выбитому асфальту, вдоль черных канав, оскобленных граблями, мимо заборов из штакетника с ромбовым узором, но обитатели домов безмятежно спали, и было непохоже, что кого-то норовят обездолить. Потом вошли в центр городка. Когда переходили проспект, где

в окружении ранних зевак пребывала легковушка, влетевшая ночью в фонарь, Татьяна Дмитриевна подумала, что хотя бы этого с Лешей из-за отсутствия прав не случится, — но похолодела от ужаса, представив, что спяну сын легкомысленно сядет за руль, не вспоминая о правах.

На станции она проводила дочь до перрона, но, только мать ушла, Саша скользнула к краю платформы, слезла на пути и вернулась в город. Через пятнадцать минут она, в запущенном панельном подъезде, стучала в квартиру тетки, Натальи Дмитриевны. За дверью чертыхались, возились, тявкала и скребла по полу собака. Наконец растрепанная тетка открыла и, в отличие от матери, сердечно обрадовалась племяннице:

— Ба, какие люди! Сто лет не виделись, пропащая душа! Проходи, проходи... Славик! — крикнула она сожителя. — Сходи винца принеси, гости.

— Рано еще, — солидно отозвался юный теткин сожитель, младше ее на пятнадцать лет. — Десяти нету.

— Да ладно! Такие правильные... Ну, пивка принеси.

— Не надо, тетя Наташ, — возразила племянница, входя. — Мне вечером на работу.

— Господи, всем на работу. Ничего в жизни, кроме работы, не видите. Бездушные вы люди.

Она принялась тискать и целовать собачонку.

— А мы с Масиком душевные! Верно, Масик? Поцелуй мамочку, солнце мое!..

Масик сучил тонкими ножками, повизгивал и вырывался.

– Теть Наташ, – спросила Саша, – у тебя ключей от нашего дома нет?

Тетка насмешливо ухмыльнулась.

– Что, выставила мать? Железная она женщина, не разжалобишь. Нету у меня ключей, дорогая. Разве мать твоя кому-нибудь ключи даст? Скорее рак на горе свистнет. Верно, Масик?.. Не зря на железной дороге работает. Все в жизни – как по рельсам ходит. Ни влево, ни вправо. Она покормила тебя? Хоть это. – Тетка, избавленная от необходимости разыгрывать радушную хозяйку, принялась снова тискать собачонку. – А как поедешь, когда мать на вокзале? Живо засечет, у нее глаз – алмаз. Мимо нее муха не пролетит...

– Я автобусом.

– А-а. Ну, Славик проводит. Славик!..

Выглянул сопровождаемый зудением старенькой бритвы Славик. Пока Наталья Дмитриевна, роняя кастрюльки, опрокидывая пакеты и спотыкаясь о табуретку, приготовила для спутника жизни чашку растворимого кофе, тот успел побриться, привести себя в порядок и перекусить. Тетка, совершив тяжелый труд, вернулась к четвероногому любимцу, который охотно лизался с владелицей, вызывая у Саши приступы тошноты. Выйдя со Славиком на улицу, племянница оторопело косилась на подтянутого парня и гадала, что связывает его с выдавшей виды неумехой.

– Надо же, – проговорила она вслух. – Как тетя Наташа

не ревнует?

– В смысле? – не понял Славик, нахмутив брови. Он не отличался сообразительностью. – К кому?

Саша улыбнулась. После свидания с Женей она чувствовала себя красивой, неотразимой и не понимала, как рядом с ней не падают на колени от обожания, а топают вразвалочку, равнодушно поглядывая по сторонам. Ей казалось, что весь мир ее любит, и она себя любила больше всех.

– К молодым. Ко мне, например.

В Славиковом голосе прозвучало сожаление:

– Дурочка, – вздохнул он. – Ты не молодая, ты маленькая. Разве возраст – главное?

– А что главное?

Славик подумал и изрек:

– Не это.

И замолчал. Не дал себе труда входить в разъяснения о чем-то сугубо важном, ведомом ему одному с головокружительной высоты собственного опыта. Саша, не получив отклика, на минуту забыла о его существовании. Она шла как по струнке, вдыхала будоражащий весенний воздух с запахами первой травы и чувствовала обжигающие взгляды окружающих, которые, ползая по улице на сонном утреннем автопилоте, моментально просыпались, проникаясь ее победной осанкой и ликующим видом. Славик довел ее до автостанции, сунул руки в карманы и невозмутимо отправился напрямую через площадь, а Саша мечтательно заулыбалась

и побежала к автобусу.

Сменившись, Татьяна Дмитриевна пошла не домой, а к сыну. Несколько раз она звонила ему с работы, но телефон не отвечал. Татьяну Дмитриевну это не удивило – она представляла, что, наверное, устройство связи давно разряжено и лежит, забытое, под столом или в ванной.

Чем больше Татьяна Дмитриевна отдалялась от станции, чем ближе оказывалась сыновняя двухэтажка, тем сильнее ощущались неудобство и тоска. Знакомые посмеивались над Татьяной Дмитриевной, иронизировали по поводу ее тяги к трудовой деятельности, но она успокаивалась на работе, а в частной жизни задыхалась и судорожно глотала воздух, как выброшенная из воды рыба. К нервозности, присущей ее трудовому процессу, Татьяна Дмитриевна притерпелась, потому что все это было проходяще и не трогало за живое. Ей нравилось ощущение порядка: поезда ходили по расписанию, действия совершались по инструкциям, и над маленькой станцией нависали крылья огромной организации, в которой чрезвычайные происшествия устранялись, а любая неустойчивость включала невидимый механизм, и после длительного скрипа колес и движений маховиков все приводилось в норму. Но только Татьяна Дмитриевна покидала станцию, как оказывалась беззащитной на чужой территории, где не было ни логики, ни правил, все шло наперекосяк, и с детьми случались постоянные беды, а Татьяна Дмит-

риевна не понимала – отчего.

Перед домом, где жил сын, она постояла, разглядывая страшноватое кирпичное здание с ободранной штукатуркой. Дом был погружен в уныние серо-болотных оттенков, и Татьяна Дмитриевне пришло в голову, что лучше бы эту штукатурку ободрать совсем, помыть кирпичную кладку... и что, живя в такой депрессивной трущобе, неудивительно запить. Даже занавески на всех окнах были старые, линялые... только на балконе второго этажа сушилось ярко-оранжевое полотенце.

Дверь в Алешину квартиру оказалась незакрытой, но Татьяна Дмитриевна, справляясь с испуганным сердцебиением, замерла на пороге, робко стуча по дверному полотну. Было тихо, внучкина возня не слышалась. Невестка Юля вышла в байковом халате, рывкнув:

– Кто там еще?

Увидела Татьяну Дмитриевну и скривилась.

– А, здрасте...

Повернулась и ушла – войти не предложила. Татьяна Юрьевна вошла сама, несмело продвинулась за Юлей до кухни и спросила:

– Мой-то... где?

Юля раздраженно сдула с лица прядь.

– Где ему быть, пьяный лежит!

Разгоряченная Юля, нависая над полной раковиной, мыла посуду. Одного взгляда Татьяне Юрьевне было достаточно,

чтобы понять две вещи: во-первых, посуда накапливалась в доме с неделю, не меньше. И во-вторых – Юля по-прежнему сэкономила на мыле. Татьяна Дмитриевна, глядя, как невестка скребет посуду грязной тряпкой, каждый раз морщилась – откуда? Вроде из семьи приличной, работающей... сватья – рукодельница...

– А Настя? – заикнулась Татьяна Дмитриевна про внучку, но тут же пожалела.

– Настя? – Юля повернулась к свекрови и уставилась свирепыми глазами. – Вам-то что Настя? Есть у меня силы на ребенка? У меня мужик – только знаешь, что задницу ему вытирать!

– Юленька, я не отказываюсь... – пробормотала Татьяна Дмитриевна. – Когда я не в смене, возьму с удовольствием, ты же знаешь...

Юля в сердцах швырнула тряпку.

– Разведусь к чертовой матери! – провозгласила она, сверкая глазами. – И прав родительских лишу. Лучше никаких родственников, чем такие.

– Юленька, его лечить бы... – попробовала вступиться Татьяна Дмитриевна.

– Сами и лечите! Я ему не нянька.

Татьяна Дмитриевна не стала пререкаться. Она отступила в комнату и услышала легкое похрапывание. Алексей какой-то бесформенной грудой лежал на диване, спал, пахло перегаром, и сердце Татьяны Дмитриевны сжалось от боли.

Она хотела подойти к сыну, но ее опередила Юля – подлетела и ткнула пальцем:

– Полюбуйтесь! – Она хлестнула лежащее тело тряпкой. – Дрянь такая, сволочь!

Тело пошевелилось.

– Вставай! – кричала Юля. – Что валяешься, вон... мать на тебя поглядит! Вставай, кому говорю!

– Пошла вон! – взревел Алексей из глубины хмельного забытья.

– Юленька, Юленька... – пробормотала Татьяна Дмитриевна, отступая. – Не надо. Подожди, протрезвеет – тогда...

Но Юля не слушала, и Татьяна Дмитриевна с тяжелым сердцем предпочла убраться. Когда она шла по улице, в сумке зазвонило.

– Таня, привет! – Это была младшая сестра Наталья. – Я на нашей улице...

– Что случилось? – передернулась Татьяна Дмитриевна, и ей представилось, что сносят дом.

– Ничего, – удивленно пропела сестра. – Я к Марине заглянула, она мне шерсти спряла... Дай заскочу? Ты далеко?

– Сейчас буду, – выдохнула Татьяна Дмитриевна.

Через десять минут она снимала внушительный замок с калитки, а Наталья Дмитриевна хвасталась, хлопая по кленчатой сумке.

– Марина кобеля остригла... Славику пояс свяжу. Он штангист бывший, у него спина надорвана. Греть.

– Вроде свой кобель есть, – негромко удивилась Татьяна Дмитриевна.

Наталья Дмитриевна расхохоталась:

– Масик? Что он мне, овца? Он мне как сын родной!

Татьяна Дмитриевна пожала плечами. Ее так огорчал собственный сын, что она не возражала против кощунственных сравнений.

– Подожди, – проговорила она, когда вошли в дом.

Пока Наталья Дмитриевна располагалась на диване, сестра взяла бумагу, где в нескольких графах были записаны покупки и работы, и вычеркнула строчку «гайка для гладильной доски». Достала гайку, которую получила у слесаря Миши, и завернула в полиэтилен взамен утерянной. Наталья Дмитриевна наблюдала за сестрой насмешливо.

– По бумажке живешь? – сказала она. – Говорила я сегодня твоей Сане...

– Саша заходила? – встрепенулась Татьяна Дмитриевна. – Вот зараза! Я же ее прямо на станцию доставила...

– Уехала, не волнуйся. Славик на автобус отвел. Ключ от дома спрашивала. Светилась прям от счастья. Любовь...

– Полно, – возразила Татьяна Дмитриевна. – Добро бы по-человечески. Ведь Женя этот за человека ее не держит. Что за радость? Даже если бы влюблен – не разведется никогда в жизни. Мало, что жена и ребенок. Там ведь квартира московская. Тесть богатый. А у тестя-то этого свой завод в Сибири, и мотаться ему туда не хочется, а может – без взвода охра-

ны появляться не с руки. Они, может, специально для этого зята и брали – безродного, безответного. И что ее ждет?

– Забери домой, – проговорила Наталья Дмитриевна весело. – Чего ж не заберешь?

Татьяна Дмитриевна вздохнула, поднялась и стала готовить чай.

– Учиться не хочет, – рассказывала она, наливая воду в чайник, протирая стол, нарезаая хлеб и колбасу. – Работать негде. Официанток и без нее хватает – на грошовую зарплату. Вон, Вику из «Лагуны» чуть не зарезал псих какой-то. И хозяин их не лучше – обращается хуже, чем с собаками. А в «Елочке» свои, семейный подряд.

Наталья Дмитриевна покивала. Вику из «Лагуны» она помнила хорошо.

– К себе на станцию возьми.

– Взяла бы, – Татьяна Дмитриевна оживилась. – Олега Юрьевича бы упростила... и техникум – колледж – можно закончить. Может, не к нам – работа сменная в конце концов. Ни в какую... В ресторане жизнь красивая...

– А чего ты ее в дом-то не пустила? Опять – рвалась с Сашенькой советоваться?

Когда Татьяне Дмитриевне сообщили, что у нее близнецы, она предположила назвать их одинаково, парным именем, существующим в мужском и женском вариантах. Поэтому умершего брата-близнеца звали по умолчанию как сестру – хотя он не успел получить официального имени.

– Может, полечить ее? – несмело спросила Наталья Дмитриевна.

– Как полечить? – Татьяна Дмитриевна горестно покачала головой. – Нет у нас таких врачей. И что я ему скажу? Что она по любому поводу бежит разговаривать с покойным братом? Который умер двух часов от роду? Ну, посадят ее в сми-рительную рубашку и лекарствами обколют, будет овощ.

Наталья Дмитриевна подняла глаза, осматривая аляповатые обои.

– Где он здесь живет-то? – спросила она.

– Наверху, – Татьяна Дмитриевна указала на второй этаж. – Пойдет... на диван сядет... руку протянет... вон, говорит, Саша...

– Может, дом освятить?

– Полно, – произнесла Татьяна Дмитриевна укоризненно. – Что ты говоришь-то? Что это – нечистая сила? Сыночек мой... все-таки. Как я Саше в глаза смотреть буду?

– Дурдом, – вынесла приговор Наталья Дмитриевна.

Некоторое время сестры молчали, и потом Наталья Дмитриевна вспомнила:

– Близнецов ведь даже в армию вместе служить отправляют, не разлучают. Видимо, половинки-то ей не хватает. Только сама говоришь – плохие советы он ей дает. Неправильные.

– Неправильные... – печально подтвердила Татьяна Дмитриевна.

Она машинально придвинула бумажку, взяла ручку и впи-

сала очередной пункт: «тесьма х/б». Подумав, вписала еще строчку: «столярный клей». Положила ручку, взяла снова и дополнила: «Взять у Юры».

– Отвлекись, – уничижительно произнесла Наталья Дмитриевна. – Потому с тобой и не советуется, что живешь по бумажке.

– Порядок, – сказала Татьяна Дмитриевна. – Как без порядка?

Сестры обсудили хозяйственные вопросы, допили чай, и Наталья Дмитриевна собралась уходить. Татьяна Дмитриевна проводила ее до калитки и смотрела вслед, чтобы вмешаться, если кто-нибудь пристанет к сестре на темной улице. В детстве ей почти не встречались на улице ее родного городка посторонние лица, но со временем чужих становилось больше, и чужие были – чем дальше, тем страшнее, поэтому Татьяна Дмитриевна избегала выходить в темное время и запирала калитку на замок. Тревожно пахло гарью с полей, где жгли траву, и надвигались низкие облака, налитые синевой. Пока сестра не скрылась из вида, мимо Татьяны Дмитриевны прошел сосед, потом показался участковый, и Татьяна Дмитриевна вспомнила слова бабы Ани.

– Фарид, – окликнула она. – Ты чего меня искал?

К участковому она обращалась по-приятельски с непродолжительных времен, когда ее покойный муж работал в мэрии.

Фарид остановился и сморщился в задумчивости. Поче-

сал тонкий смуглый нос.

– Татьяна Дмитриевна, – ответил он не сразу. – Вы тут, на этом месте, давно живете?

Татьяна Дмитриевна вздрогнула от страха, что придут выселять.

– С рождения, – пробормотала она. – А зачем?..

Фарид не ответил зачем. После паузы он продолжал расспросы:

– Как улица раньше называлась?

– Когда-то – Вознесенская... – вспомнила Татьяна Дмитриевна. – Бабушка рассказывала: храм стоял Вознесения – во-он там... где магазин сейчас, на том фундаменте. Потом была – Коминтерна... а потом в Комсомольскую переименовали.

– Коминтерна? – оживился Фарид. – А у вас дед на войне погиб?

– Без вести пропал, – удивилась Татьяна Дмитриевна.

– Деда как звали? Сергей Яковлевич? А фамилия?..

– Что? – поразилась Татьяна Дмитриевна, проваливаясь в глубокое прошлое, где были живы бабушка, мама и папа, и где на стене висели пожелтевшие фотографии деда и прадедов. Потом, когда муж Татьяны Дмитриевны обновил и перестроил дом, фотографии исчезли и на стены не вернулись.

Фарид потоптался и эмоционально шмыгнул носом.

– Нашли вашего деда. Опознали.

– Господи! – воскликнула Татьяна Дмитриевна. Ей

в первую минуту пришла мысль о дополнительных хлопотах. Она редко вспоминала о предках, потому что семейные неприятности заслоняли ей исторические легенды.

– Завтра в администрацию позвоните, – сказал Фарид. – Из того поискового отряда парень в нашем городе живет. Он вещи привез.

– От кого? – не поняла Татьяна Дмитриевна. – Какие вещи?

Фарид снова шмыгнул.

– Не знаю.

– Ехать куда-то надо? – крикнула Татьяна Дмитриевна вслед, но Фарид топал дальше. К тому времени уже стемнело, и в круглосуточном магазине, стоящем на церковном фундаменте, погасили окна. У соседей тоже не светило. Татьяна Дмитриевна опасливо осмотрелась и закрыла калитку на замок.

В мэрии она рисковала потерять время, пока посторонние люди с оторопью на лицах вникали – что ей, собственно, надо. Но нашлись знакомые, которые по старой памяти нажали на скрытые рычаги, и скоро у Татьяны Дмитриевны оказались на руках и адрес, и телефон, и устные комментарии, что следовало, конечно, провести официальное мероприятие, но праздник все равно прошел, забот много, а раз случилась оказия – пускай разбирается сама.

Старая память, пригодившаяся в мэрии, была связана

с недолгой работой в начальственном гнезде ее покойного мужа. Попал он туда случайно, на волне всеобщей неразберихи, когда менялась власть, городок бурлил и никто не понимал, что происходит. Некоторые ушлые ребята вспомнили, что Виктор Геннадьевич – чудесный мужик, общительный, веселый, словом, душа компании – подходит на роль своего человека. Виктора Геннадьевича хватило ненадолго, до первого инфаркта, который оказался фатальным. И ничего Виктор Геннадьевич толком не успел, выгод не получил, золотых гор не огреб, только подновил старенький дом, который теперь казался самым роскошным на их улице. Это обстоятельство вызывало у Татьяны Дмитриевны леденящий страх, что кому-нибудь приглянется ее одинокое обиталище или землю, не дай бог, продадут, а жильцов выгонят на все четыре стороны. Наблюдая со стороны шатания районной администрации, она уже ничему не удивлялась и верила в любую фантастику, а рассчитывать после смерти мужа ей было не на кого.

Дозвонившись и назначив встречу, она робко направлялась по указанному адресу. По дороге пыталась извлечь из памяти какое-нибудь упоминание о деде, но в сухом остатке, к стыду Татьяны Дмитриевны, оказались жалкие крупички. Только то, что бабушка называла пропавшего мужа неизменно по имени и отчеству и говорила, что был он ревнивым и не позволял супруге ни пудриться, ни красить губы. Внучка устыдилась небрежения дедушкиной судьбой и го-

товилась оправдываться – неизвестно перед кем. Вдруг ей устроят экзамен? Вдруг встреча обернется вечером памяти, как перед детишками в школе? И предстоящий визит тяготил, не шли из головы тоскливые мысли об Алексее и Саше, и все было некстати, но отлынивать неприлично, потому что многие уже знали про семейное событие, и следовало являть энтузиазм.

Над зданиями главной улицы – школой, библиотекой, бывшим домом культуры – бежали легкие облака, и под ногами было сыро, и щемяще дуло весной. Вот-вот должны были распусться почки. Некий Игорь жил на третьем этаже, Татьяна Дмитриевна позвонила, и седой мужчина провел ее в комнатку, где за компьютером сидел плечистый парень в камуфляжной футболке, с перевязанной рукой. Когда тот поднял круглое дружелюбное лицо, Татьяна Дмитриевна сразу успокоилась и поймала себя на завистливой мечте – чтобы Алексей смотрел бы на нее так же трезво и весело. Ей сделалось комфортно, и, присев на предложенный стул, она приветливо и фамильярно спросила у незнакомого ей человека:

– Руку-то повредил... там?

И снова застыдилась, что кто-то во вред здоровью занимается ее дедушкой, а неблагодарной родственнице он даже не приходил на память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.